

MODERN PROSE

Читайте книги Алексея Винокурова:

«Люди черного дракона»

«Темные вершины»

«Ангел пригляда»

АЛЕКСЕЙ ВИНОКУРОВ

**ЛЮДИ
ЧЕРНОГО
ДРАКОНА**

Москва
ФЛОБЕРИУМ / RUGRAM
2024

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
В49

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флоберium»

Миссия «Флобериума» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Книга издана в авторской редакции

Винокуров, А.

В49 Люди Черного Дракона / А. Винокуров. — М.: Флоберium /
RUGRAM, 2024. — 338 с. — (Modern Prose).

ISBN 978-5-521-90352-8

Роман «Люди Черного Дракона» — финалист премии «Большая книга» за 2018 год — рассказывает о необыкновенных вещах, происходящих на берегу Амура, который китайцы издавна называют рекой Черного дракона или, по-китайски, Хэйлунцзян. Здесь перед революцией 1917 года образуются сразу четыре деревни — русская, китайская, еврейская и селение амазонок. Отзвуки истории, которая творится в большом мире, доходят до Бывалого, однако жизнь тут идет своим чередом, где простое и понятное удивительным образом переплетается с небывалым и фантастическим. Возникающие тут время от времени големы, русалки, драконы, демоны возмездия, даосские волшебники и даже сама смерть не могут нарушить естественного хода вещей и органично вплетаются в жизнь села Бывалое.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90352-8

© Алексей Винокуров, текст, 2023
© ООО «Флоберium», 2023
© RUGRAM, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

О девочке этой мне рассказала Бабушка Древесная лягушка. Столько лет прошло, и нет уже ни девочки, ни бабушки, одна лягушка осталась и дела ее скорбные.

Бабушка-лягушка, лягушка-квакушка, лягушка-какашка, лягушка-замарашка — вот как ее кликали в деревне. Ни на одно имя не отзывалась, да никто и не надеялся. Имена такие давали нарочно, чтобы, оборони Будда, не съели за компанию с другими: кто же в своем уме станет есть лягушку-какашку? А бабушку-лягушку? Ел ты, скажем, лягушку, а съел, выходит, бабушку. Может, конечно, где-то в Поднебесной такие ухари и были, чтобы жареную бабушку съесть, да еще со стороны отца, но только не у нас, на Реке Черного дракона.

На самом деле лягушка из бабушки была никакая. Обычная жаба, только огромная и старая до черноты, глаза навывкате, рот — похабной щелью, на скользкой коже пупыри с бородавками, рукой потрогать противно, не то что голыми зубами есть. Жила от всех отдельно, хозяйства никакого не вела, безобразила в глухой ночи, промышляла, чем Бог пошлет. Детей, мужа тоже не завела. И неудивительно — кто на такую поль-

стится? Хотя китайцы, говорят, к красоте женской равнодушны — им лишь бы человек хороший да денег много. Но Бабушка Древесная лягушка ни деньгами, ни красотой не вышла — хоть в речной песок ее сапогом топчи, такая была никудышная.

Когда в первый раз мы с ней встретились на узкой дорожке, лет ей было невесть сколько, глядела исподлобья, пенсионером. Значит, не меньше шестидесяти выходило, ну, или около того — с каких там лет жабы-лягушки выходят на заслуженный отдых?

День, помню, был солнечный, зайчики трепетали на зеленых кленовых листьях, под ветром срывались, падали, обратно запрыгивали. Бабушка-лягушка сидела у дома на шершавой приступочке за поваленным тыном — зеленая сидела, бурая, бугристая и скользкая — чистая жаба. Торчали из приступочки острые занозы, кололи тонкую кожу, подзуживали, бодрили. Ежилась Бабушка-лягушка, ворочалась, дула зоб, пучила глаза, слизью исходила, семечки беззубой пастью лузгала, а сказать так ничего толком и не сказала — может, не могла или, еще хуже, не хотела.

Но не больно-то и нужно. Я и сам все знал про эту девочку, потому что рос с ней в одном селе, только я — в русской части, а она — среди амазонок.

А насчет присказки про Бабушку-лягушку, — это уж так положено во всякой истории. Или бабушка-лягушка, или зайчик-побегайчик, или какой ни то хомяк с печки бряк — так вот оно и повелось испокон веку. А от своего лица историю рассказывать не смей, потому что никакая уже это будет не сказка, а чистая правда. Вот ее, пожалуй, и расскажем.

БЫТИЕ

Село наше, по имени Бывалое, выросло на реке Черного дракона, или, по-русски сказать, на Амуре, прямо из сырого речного песка. Стояло на берегу, на выносе, мировое древо, тысячелетний кедр, отовсюду было его видать. Вокруг него стелились равнины, вздымались белыми шапками горы, тянулись вверх дремучие леса, зеленела в них пихта, клен, кедр корейский, ясень маньчжурский, ильм белокорый, орешник и береза желтая, липа амурская, бархатное дерево да рябина. В лесах этих испокон веку водились тигр-амба, медведь, барс, рысь, красный волк, кабан, дикие козы, изюбри и пятнистые олени, кабарга, соболь, и так далее — до мышей-землероек... В Амуре плескался осетр, кета и горбуша, таймень, хариус, корюшка-зубатка, черный и белый амур, голянь разных видов, усатый голавль, красноперый жерех, носатый пескарь, язь, конь-губарь, лещ, сазан, желтощек, амурская щука и рыба-лапша, вьюн, сом, косатка — и огромную тенью, грозным левиафаном проплывала в тяжелых глубинах калуга...

Все тогда было тихо, мирно и счастливо, но не бывает вечного счастья — отчего-то и кому-то занудился на этой земле человек. И вот однажды ночью погасли, замеченные тьмой синие звезды, раскололась

до нутра верхняя бездна, ударила молния прямо в кедр — и разнесла в кровавые щепы.

К утру кровь на щепе застыла, почернела, отразилась в ней неподвижные, густые, чистой смолы небеса. Из этой-то щепы, глянцевой, духовитой, длинной и твердой, и явился первый дом, или, правильнее сказать, фанза, или, точнее, ха-баит ха-йехуди. Воздвигнут он был силою Сварога, духов предков и Яхве-Элохим-Адонай, и един был в трех лицах, и годеи для любого племени, живущего на земле, под землей и на водных просторах.

Из южного окна дома видно было незаходящее жаркое солнце и древние воды Амура, из северного глядела прохладными звездами вечность, на востоке трепетал нежно-розовый рассвет, а на западе, откуда дымной тенью кралась смерть, не было ни окон, ни дверей — лишь глухая непроходимая стена. Крыша закрывала дом от мирового гнева, фундамент — от демонов, незримо пребывающих, стены — от четырех видов земных тварей.

Теперь уже забылось, кто первым поселился в Доме и освятил его дыханием жизни. Сперва грешили на синантропов Яо и Шуня из периода Уди ШИдай: спустя тысячелетия их кости и черепа безошибочно желтой масти находили на обоих берегах реки, пока староста Андрон, движимый патриотизмом и белой горячкой, не собрал их все вместе и не предал позорному утоплению в равнодушных водах Амура.

Позже стали склоняться к мысли, что дом одухотворил древний народ месопотамского колена иврим-йехудим бнэй-Исраэль, без которого, как известно, и поныне не обходится любое дело под небесами, будь то хорошее или разное.

Но вернее всего, что чудесное жилище первым, как женщину, познал отряд казаков во главе с письменным головой Василием Даниловичем Поярковым. Отряд этот, числом девяносто, пришел на покорение племен уссурийского края — всех, какие встретятся, со всеми их духами, идолами, тиграми, медведями, барсами и пантами пятнистого оленя, незаменимыми для мужской силы.

Казаки встали лагерем в доме и вокруг него, сделали его последней крепостью, обнесли высоким тыном и приготовились сгинуть, потому что задача у них была страшная, невыполнимая — только сгинуть им и оставалось. А потому ночью, когда из волн Амура невидимками поднялись дауры князя Доптыула, на севере погасли звезды, а у западной стены голодной тощей тенью выросла смерть, казаки не стали тратить время на оборону: они нараспев читали заупокойные молитвы по себе самим. Пока шла молитва, ни один из них не дрогнул, не усомнился, не обратил настороженного слуха к текущему в разрывах ночи врагу.

И лишь когда молитва закончилась, а снаружи сделалась мертвая тишина, к даурам, припавшим к темноте, как младенец к матери, вышел самый юный из казаков — семнадцатилетний Олег Полоний. Он заговорил, и глас его был подобен звуку трубы иерихонской, ибо был он из рода сибирских архидьяконов, облеченных благодатью Божией, которых голоса единственные напрямую доходят до небесного престола.

— Отныне вы, народ даурский, и прочая бусурмень, и все ваши князья, и люди простого звания, и рабы, и духи ваши, вплоть до мельчайшего беса, и со всеми вашими женами и младенцами до последнего

колена, — все будете платить дань московскому царю, — так рек малолетний Полоний.

Взвыли оскорбленные дауры, словно бы дикие звери, и бросились на штурм казацкой крепости. Но те уже поручили себя русскому Богу, который один сильнее всех бесов, духов и демонов, взятых вкупе. И, как неопровержимо записано в хрониках, Бог послал своего ангела с пылающим мечом, и дауры были повержены, и во прах обращены, и во множестве, смердя, лежали их твердые трупы за оградой дома — и снег засыпал их, и ветер сушил, и солнце жарило, и звезды охладили.

Оставшиеся враги отступили, но отнюдь не рассеялись. Они обложили дом по квадрату, и было их больше, чем проса в полях. Из-за ветвей и пригорков, разбросанных по лесу, за каждым казаком зорко следило по сотне глаз, и стоило сделать шаг наружу, как тут же летели в него пули и стрелы даурские — и попадали, и ранили, и убивали. Ни выйти не могли из окружения казаки, ни войти обратно, если бы кто сдуру и вышел.

Так продолжалось невесть сколько — день, неделя, месяц. И вот кончились у казаков припасы, а голод взял их за горло костлявой рукой. А когда подъели они последнюю мышь вместе с шерстью ее и с хвостами, и последние кожаные сапоги тоже, от которых во рту была вязь и оскома, так сказал им письменный голова Поярков:

— Мы русские, с нами Бог! Не захочет Всевышний нашей смерти!

С этим, пригнувшись от стрел, вышли они из дома, собрали всех мертвых врагов и, опьяневши от голода и славной победы своей, стали пожирать их, словно дикие в Африке и других запредельных землях. И,